

политика

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01536).

К.В. Фокин

«ГЛУБИННАЯ» ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВТОРИТЕТ¹

Кирилл Валерьевич Фокин — аспирант аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; участник проекта РНФ «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» на базе ИНИОН РАН. Для связи с автором: kainer-1@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме политического авторитета и его особенностей в современных демократических сообществах. Автор трактует авторитет как социально-политический институт, уходящий корнями в биологическую природу человека и эволюционирующий на протяжении истории. Согласно его концепции, доверие политическому авторитету обуславливается верой в делегирующую его внешнюю инстанцию — Бога, воображаемое сообщество в виде Нации или Государства или ценностную систему, каковой и является Демократия. Подчинение демократическому авторитету (в отличие от иных его типов) базируется на «новом» нормативном (моральном) фундаменте: не «права она или нет, но это моя страна», а наоборот — «эта страна права, поэтому она моя».

Приводимая автором аргументация в целом реабилитирует традиционную защиту либеральной демократии. Признавая наличие у постмодернистской и анархистской критики демократического авторитета своей логики и оснований, он вместе с тем указывает на несоответствие ряда ее положений новейшим эмпирическим данным, в том числе из области биополитики. С его точки зрения, поскольку главным институциональным основанием демократии является ценностная система и вера в нее граждан, ей в принципе не страшна сама по себе ситуация «чрезвычайного положения», предрасполагающая к реконструкции авторитарных практик, так как высокий уровень межличностного доверия, солидарность, вера в демократические ценности и подотчетность позволят восстановить режим «открытого общества». Угрозу либеральной демократии несут в себе настроения разочарования, паники и страха, и если они возобладают, она действительно может пострадать.

Ключевые слова: политический авторитет, эволюция, кооперация, сверхъестественное наказание, демократия, биополитика

**«Чрезвычайное
положение»
демократии**² *Corcoran 2020.*³ *Erlanger 2020.*⁴ *Posaner 2020.*⁵ *Agamben 2020.*

В первой половине 2020 г. с целью минимизировать последствия пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 многие страны мира приняли решение ввести на своей территории принудительный карантин, закрыть границы, приостановить большую часть авиаперелетов; в некоторых случаях зараженные города даже блокировались при помощи армии². Лидеры европейских стран сравнивали происходящее с войной³ и называли тяжелейшим кризисом со времен Второй мировой войны⁴. События развивались в хорошо известной политической науке логике чрезвычайного положения: для того чтобы сохранить право своих граждан на жизнь, либеральные демократии (Франция, Италия, Великобритания, США) пошли на те же меры, что и авторитарные режимы (Китай, Российская Федерация), и ограничили другие гражданские права — на свободу собраний и передвижение. Это решение, естественно, было подвергнуто критике, в том числе со стороны левых политических философов-постструктуралистов, развивающих фукольдианские идеи о «всепроникающей» власти и постоянном ограничении свобод государством-сувереном. Так, оценивая действия итальянского правительства, объявившего чрезвычайное положение еще до того, как распространение вируса было признано пандемией, классик политической философии и один из создателей концепции «чрезвычайного положения» Джорджо Агамбен высказал предположение, что теперь состояние «коллективного страха» будет поддерживаться за счет «угрозы инфекции» взамен «угрозы терроризма», исчерпавшей свой потенциал. По его заключению, мы имеем здесь дело с порочным кругом, когда «навязанное правительствами ограничение свободы оправдывается стремлением к безопасности, которое было искусственно создано теми самими правительствами, которые теперь собираются его удовлетворить»⁵.

Отвлекаясь от текущей новостной повестки, можно сказать, что перед нами очередное воспроизводство классической дилеммы «свобода—безопасность». Отчасти это верно; однако если мы обратим внимание на более широкий контекст, включающий в себя, с одной стороны, споры о кризисе либеральной демократии, а с другой — необычайную популярность слова «демократия» как средства легитимации власти и авторитета в подавляющем большинстве стран мира (включая авторитарные и тоталитарные), то увидим, что эта дилемма воспроизводится на новом уровне. И если нас интересует, способна ли демократия справиться с вызовами новой (глобальной, информационной и т.д.) эпохи, то, возможно, сперва стоит сделать шаг назад и попытаться ответить на вопрос, что мы понимаем под демократией и что имеем в виду, когда говорим «демократический авторитет» (наличие которого и доверие которому, в сущности, и обуславливают готовность общества поддержать чрезвычайные меры, а не ответить на них восстанием).

Вспомним, что в последние годы в массовой культуре и медиасреде приобрело популярность прилагательное «глубинный». В политической полемике в США, обострившейся с избранием на пост президента Дональда Трампа, активно используется словосочетание «глубинное

⁶ См., в частности, Liscе 2019, хотя термин употреблялся и раньше (см., напр. Lofgren 2014).

⁷ См. Сурков 2019.

государство»⁶, а в России с помощью концепции «глубинного народа» обосновываются «особенности» режима Владимира Путина⁷. Эти кейсы относятся к разным контекстам, но обладают общей чертой: и там, и там речь идет о «проблемах» или даже «альтернативах» (в случае «глубинного народа») либеральной демократии. Представляется, что обращение к данному прилагательному, помимо преследования политических целей, отражает попытку продвинуться в постижении демократии и если и не дать ей новое нормативное определение, то, по крайней мере, «глубже» ее узнать (через ситуации «кризиса»).

В настоящей статье предпринята попытка таким образом концептуализировать демократию и демократический авторитет, чтобы связать их с верой (belief) в демократические ценности и институты, из которой проистекают доверие (trust) и обязательства (commitments). Разумеется, я отнюдь не утверждаю, что концепция веры в демократический авторитет носит универсальный характер и нивелирует остальные; однако это продуктивный угол зрения, способный «углубить» наше понимание демократии и обозначить новую нормативную перспективу (полезную в том числе в кризисных ситуациях).

Представление о важности символов, ценностей и даже непосредственно *веры* (в религиозном смысле) сегодня возвращается в политическую науку⁸. Это не новый взгляд: еще Эдвард Гиббон указывал, что честь и приверженность знамени, готовность сражаться и погибать за неодоушевленного «золотого орла» являлись важным конкурентным преимуществом римских легионеров⁹. В знаменитой типологии легитимности Макса Вебера¹⁰ de facto описаны варианты тех оснований, по которым люди *верят* в лидеров (лидерам), причем в случае традиционного господства речь идет напрямую о религиозной вере (faith). Вера в политического лидера конвертируется в голоса и поддержку, доверие — в солидарное действие и самоорганизацию гражданского общества. С точки зрения теории мемов¹¹ меметические комплексы (к каковым относятся и социальные институты) конкурируют именно за «веру», которая нужна им для продолжения репликации. Аналогию легитимности с исчерпаемым ресурсом (водой в резервуаре) проводил и Роберт Даль¹².

В последние годы ведутся активные споры, исчерпался ли этот ресурс у либеральной демократии. С начала «третьей волны» демократизации (1974 г.)¹³ количество демократий в мире значительно выросло: если в 1977 г. к их числу относилось 24% государств, то в 2017 г. — 57%¹⁴. Вместе с тем даже оптимисты, уверенные, что демократия выживет и продолжит распространяться, согласны, что сегодня перед ней стоят серьезные вызовы и, чтобы на них ответить, она нуждается в обновлении¹⁵. Определению, уточнению, систематизации и обсуждению этих вызовов посвящен огромный массив литературы; перечислю здесь лишь основные (с моей точки зрения) из них. Среди локальных вызовов можно выделить угрозу правого популизма¹⁶ (и сопряженную с ней проблему «Брексита», угрожающую либеральной демократии в той

⁸ См., напр. Atran, Axelrod, and Davis 2007.

⁹ Гиббон 2008: 75.

¹⁰ Weber 1958.

¹¹ Dawkins 1976; Blackmore 1999.

¹² Даль 2010.

¹³ Хантингтон 2003а.

¹⁴ Desilver 2019; <http://www.systemicpeace.org/polityproject.html>.

¹⁵ См. Schmitter 2017.

¹⁶ С которой столкнулась в первую очередь Европа, но также и Америка, если вспомнить президента Трампа.

¹⁷ См. Мюллер 2018.

¹⁸ Geddes, Wright, and Frantz 2014: 2018.

¹⁹ См. от классических эссе Жана Бодрийяра (Baudrillard 1991) до современного анализа (Кин 2015).

²⁰ См., напр. Kobie 2019.

мере, в которой та увязана с глобализмом¹⁷), активизацию различного рода «гибридов» и «нелиберальных демократий», позиционирующих себя в качестве альтернативы либеральной демократии, более эффективной в условиях чрезвычайной ситуации¹⁸, а также военную и террористическую угрозы (прежде всего в их информационном измерении); среди глобальных, с трудом поддающихся оценке и зачастую умозрительных, однако потенциально «экзистенциальных» для демократических институтов, — революционную трансформацию медийного ландшафта¹⁹, стирание информационных границ, развитие новых технологий, как напрямую влияющих на социально-политические отношения (например, искусственный интеллект и технологии редактирования генома), так и обеспечивающих «гибриды» и автократии средствами для укрепления их позиций (китайская система социального кредита²⁰). Реальностью стала и пандемическая угроза, которую еще полгода назад мы записали бы скорее в разряд умозрительных; при этом опасность для либеральной демократии представляет не столько сама по себе болезнь, сколько сопутствующее ей стремительное распространение в социальных сетях и новых медиа соответствующей информации (и дезинформации), накладывающее естественную вирусную угрозу на трансформацию социальных процессов.

Перспективы либеральной демократии в этих новых, пока еще складывающихся условиях дебатированы в политологии. Многие из последних работ на эту тему посвящены конкретным (актуальным) событиям и в этом плане являются скорее спекуляциями относительно будущего (станет ли пандемия триггером нового витка глобализации или же приведет к ренессансу национальных автократий), но существуют и фундаментальные труды, пытающиеся ответить на главный вопрос: почему в одних случаях демократия работает, а в других проваливается и какие факторы это детерминируют? Поиск ответа на этот вопрос и есть, по сути, попытка более глубокого понимания демократии.

Такого рода попыткой являются концепции «делиберативной демократии»²¹, «социальных порядков»²² и (отчасти) «полиархии» Даля²³, теория демократизации/дедемократизации Чарльза Тилли²⁴, ряд положений теории модернизации Сэмюэля Хантингтона²⁵ и его теории «столкновения цивилизаций»²⁶, апеллирующей к неуниверсальности демократии в современном мире, теория структуризации Энтони Гидденса с проводимым в ней различием между дискурсивным и практическим сознанием²⁷ и некоторые другие. В каждой из этих концепций, наряду с убедительными тезисами, можно найти и спорные утверждения. Однако в этой статье я не буду полемизировать с ними, а постараюсь обосновать новый взгляд на проблему демократии, заострив внимание на особой роли института политического авторитета. Его концептуализация через «веру» тоже может отсылать к классическим работам, в том числе посвященным политической культуре²⁸ и гражданской религии²⁹, но в предлагаемой модели речь идет не о символических обозначениях и не о влиянии традиционных (устоявшихся) социальных практик на

²¹ Dryzek 2000.

²² Норт, Уоллис и Вайнгаст 2011.

²³ Даль 2010.

²⁴ Tilly 2007.

²⁵ Хантингтон 2004.

²⁶ Хантингтон 2003b.

²⁷ Giddens 1984.

²⁸ Алмонд и Верба 1992.

²⁹ Bellah and Hammond 1980.

практики политические, а о связи между человеческой способностью (или даже потребностью) «верить» и кооперацией на основе доверия. Моя цель заключается в том, чтобы показать, как на одном и том же биологическом (эволюционном) фундаменте могут быть возведены совершенно разные — и утилитарно, и нормативно — социальные конструкции.

**Внешняя
инстанция
политического
авторитета**

³⁰ *Brown 1991,
2000.*

Если мы обратимся к списку «культурных универсалий» Дональда Брауна³⁰, то обнаружим, что к числу черт, в той или иной форме присутствующих во всех известных человеческих культурах, относятся, в частности:

- вера в сверхъестественное / религия;
- групповой образ жизни, противопоставление внешнему окружению;
- коалиции;
- лидеры;
- наказание за преступления против коллектива;
- престиж, авторитет, неравенство;
- символизм;
- статус, отделенный от индивида;
- социальная структура;
- наличие статусов, не основанных на поле, возрасте и родстве;
- приписываемые и достигнутые статусы;
- эмпатия (сочувствие);
- доминирование/подчинение;
- сопротивление насилию со стороны власти, доминированию.

³¹ *См., напр.
Franks 2014.*

Вопрос о том, является ли универсальность перечисленного выше следствием биологической predisposition или же результатом одинаковой социальной реакции на внешнюю среду, остается открытым³¹. Важно, однако, что все пункты этого перечня, связанные с отношениями «авторитета», то есть лидеры, престиж, неравенство, доминирование/подчинение, сопротивление (прямому) доминированию и насилию со стороны власти, статусы и социальная структура (иерархия), встречаются и в животном мире.

³² *Арендт 2014.*
³³ *Naugaard 2018.*

Вслед за Ханной Арендт³² и Марком Хаугардом³³ я понимаю под авторитетом власть без принуждения, власть, базирующуюся на вере в осуществляющего ее агента. В своем определении авторитета Арендт, правда, делает акцент не на «вере», а на «знании» агента, но одно другому не противоречит, ибо ввиду отсутствия инструментов объективной проверки такого «знания» речь может идти лишь о *вере в его наличие*. Согласно Александру Марейю, «авторитет — это социально признаваемое знание, имеющее своим истоком либо внутрисположное (социальный/моральный авторитет), либо внеположное (политический/религиозный авторитет) начало и обуславливающее добровольное подчинение людей, основанное на убеждении или на вере, носителю этого знания»³⁴.

³⁴ *Марей 2017: 23.*

И здесь полезно обратиться к описанию Франсом де Ваалем позиции альфа-самца у шимпанзе: «позиция предоставляется ему, в каком-то смысле, другими обезьянами. Вожак, или альфа-самец, так же вплетен в сеть отношений, как и все остальные»³⁵. Детально живописуя «политические отношения» у шимпанзе, Вааль фактически выходит на концептуализацию «животного авторитета». В науке это не новый подход³⁶, хотя чаще употребляется термин «животное лидерство»³⁷. Вопрос о значении подобных исследований для реконцептуализации института политического авторитета подробно рассмотрен мною в других статьях³⁸; здесь лишь подчеркну, что имеет смысл говорить именно об *отношениях* авторитета, то есть об отношениях на основе доверия ради общего блага коллектива и повышения кооперации (что составляет функциональный уровень концептуализации политического авторитета).

Человеческая социальность радикально отличается от социальности животных. Каким образом — тема отдельного разговора; в нынешнем контексте нам важны два момента: (1) наличие у человека множества разных идентичностей внутри большого числа структур (к чему я вернусь ниже) и (2) развитое воображение.

Существует несколько дополняющих друг друга объяснений эволюционного смысла воображения. По мнению Паскаля Буайе, оно помогает людям «устанавливать и поддерживать отношения с агентами вне их физического присутствия; социальные иерархии и коалиции... включают и отсутствующих на данный момент членов общества. <...> Очень маленький шаг отделяет способность взаимодействовать с нематериальными агентами от возможности представлять себе духов, мертвых предков и богов, которых также нельзя увидеть и потрогать, но которые включены и воздействуют на социальную жизнь»³⁹. Как показывают эксперименты Деборы Келеман, в детском возрасте нам присуще телеологическое (причинное) мышление («дети — интуитивные теисты»⁴⁰), что может быть связано с потребностью передавать опыт из поколения в поколение, от старших — к младшим. Кроме того, наше развитое воображение может оказаться спандрелом⁴¹ (побочным эффектом) иных адаптаций.

Так или иначе, но человек — единственное из известных нам существ, которое обладает развитой социальной культурой, включающей в себя веру в сверхъестественное, религии и культы⁴². Более того, только людям удается создавать большие сообщества, превышающие «число Данбара»⁴³ (и при этом сохранять «репродуктивное равенство», принципиально отличающее социальность млекопитающих от эусоциальности насекомых⁴⁴).

Согласно выдвинутой Домиником Джонсоном гипотезе сверхъестественного наказания (supernatural punishment hypothesis, SPH)⁴⁵, базирующейся на данных антропологии, психологии и теологии, именно биологическая предрасположенность человека к вере в сверхъестественное привела к появлению социально активных, поощряющих кооперацию и карающих за оппортунизм «сверхъестественных агентов» —

³⁵ Валь 2018: 31.

³⁶ См., напр. Willhoite 1976.

³⁷ Garfield, Rueden, and Hagen 2019.

³⁸ Фокин 2019b, 2019c.

³⁹ Boyer 2008: 1038.

⁴⁰ Keleman 2004.

⁴¹ О термине см. Gould and Lewontin 1979.

⁴² Хотя отдельные элементы, которые можно интерпретировать как «ритуальные», присутствуют и в поведении обезьян (см., напр. Kühl et al. 2016).

⁴³ То есть количество социальных связей, которые постоянно способны поддерживать индивид (см. Dunbar 1992).

⁴⁴ Wilson 1971.

⁴⁵ Johnson 2015.

духов природы и предков, богов с маленькой буквы и монотеистического Бога как апофеоза институционализации этой внешней «сверхъестественной» инстанции. Несмотря на то что во многих своих аспектах SPH противоречива и требует дальнейшей проработки⁴⁶, точку зрения о важности «сверхъестественных агентов» для эволюции института политического авторитета, на мой взгляд, не стоит сбрасывать со счетов⁴⁷. Я полагаю, что именно способность воображать/верить, на эволюционный смысл которой указывают Буайе, Келеман и др. и которую эмпирически подтверждают «культурные универсалии» Брауна, в значительной мере ответственна за специфику социальной структуры человеческих сообществ — и появление внешней, оторванной от индивида инстанции авторитета. Несколько упрощая, можно сказать, что слабость SPH заключается в чрезмерной концентрации на «божественных» агентах. Это вполне объяснимо: исследуя преимущественно проблематику возникновения больших сообществ, приверженцы SPH в своей аргументации отталкиваются от опыта ранних человеческих коллективов, в которых преобладает религиозное/мистическое сознание. Однако успех секулярных государств свидетельствует о том, что связь между альтруистическим поведением и верой в сверхъестественное если и существует, то непрямая и неисключительная. К тому же заключению подводят и эксперименты, проведенные под руководством Азима Шарифа и Ары Норензаяна: когда религиозным людям напоминают о том, что за ними наблюдает их «бог», они действительно начинают вести себя просоциально, но точно так же действует на атеистов напоминание о светских институтах справедливости — суде, полиции и пр.⁴⁸ Вместе с тем, опровергая один аспект SPH, данные эксперименты подкрепляют другое ее положение — о важности внешних инстанций, существующих не в физическом мире, а в мире идей, и их влиянии на реальное поведение людей⁴⁹.

Если под «сверхъестественным агентом» понимать не полноценное «существо», способное на самостоятельные поступки и целеполагание (то есть бога или духа), а идеальный образ или концепт, значение которого мы признаем и относительно которого себя соизмеряем, теоретизирование сразу обретает новое, более глубокое измерение. Помимо «государства», которое Томас Гоббс называл «смертным богом»⁵⁰, это может быть «народ», «нация», равно как и различного рода эволюционирующие и усложняющиеся идеологические конструкции — скажем, идеология коммунизма, тоже требовавшая от своих адептов жертв во имя будущего и общего блага и обладающая собственной символической картой⁵¹. Подобно тому как «бог», будучи абсолютным авторитетом, делегирует свою власть сперва отправителям культа, а затем монархам, «государство» делегирует свою власть светским правителям, передавая им полномочия управлять от лица страны, народа и нации. И точно так же, как священнослужитель не является авторитетом для человека, не верящего в существование бога, государственный лидер, требующий повиновения со ссылкой на интересы нации, не будет

⁴⁶ Детальный анализ см. Фокин 2019а; ответ Джонсона на замечания критиков см. Johnson 2018.

⁴⁷ Подробнее см. Фокин 2019с: 39—42.

⁴⁸ Shariff and Norenzayan 2007.

⁴⁹ Ср. с концепцией «Паноптикума» у Мишеля Фуко.

⁵⁰ Гоббс 2001: 119

⁵¹ По этой причине некоторые исследователи проводят прямые аналогии между религией и коммунизмом (см., напр. Kula 2005).

авторитетом для того, кто не считает себя ее частью, и единственным способом заставить его повиноваться станет принуждение.

Даже харизматический тип легитимности (по Веберу), формально завязанный на личных качествах вождя, на эмпирическом уровне всегда сопряжен с апелляцией к «смертным богам» — идеям и символическим (внешним) инстанциям (так, революционеры-атеисты сражаются за «освобождение народа» или «простых людей», за «лучшее завтра» и т.п.). Как и традиционный лидер, харизматик тоже обращается к воображению людей и их способности «видеть невидимое».

С точки зрения подобной концептуализации демократический (рационально-легальный) авторитет — наиболее сложная его форма, наследующая от «сверхъестественных агентов» рудименты *гражданской религии*, сохраняющая общую функциональность, присущую авторитету биологического типа, а также внешние идеальные образы «государства» и «нации», но при этом обладающая рядом специфических черт.

Особенности демократического авторитета

В политической науке выделяют различные виды демократии (либеральная, делиберативная, плебисцитарная, мониторинговая и т.д.), однако конвенциональным обобщающим определением пока остается «полиархия» Даяля. В соответствии с этим определением, демократия есть набор правил и институтов (или, вернее, «направленность» таковых), необходимых для достижения правового государства и установления режима с демократическим распределением власти. Однако подобных правил и институтов недостаточно для демократии⁵².

⁵² Даяль 2010: 7.

Данную проблему подробно обсуждали Дуглас Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст. Согласно их концепции «социальных порядков»⁵³, разница между режимами «естественного порядка» и «открытого доступа» заключается не столько в формальных процедурах (контроле над аппаратом принуждения, наличии социальных лифтов и полноценных негосударственных организаций), сколько в ресурсе доверия, в том, доверяют ли люди институтам или же полагаются на личные («естественные») связи. Если институты и процедуры вызывают доверие, демократия может выстоять и продолжиться. Если же уровень доверия низок и люди продолжают «строить высокие заборы», доверяя лишь родственникам и друзьям, формальные демократические процедуры могут оказаться бессильными, и переход общества в режим «открытого доступа» не состоится. Но доверие не возникает на пустом месте. Ему предшествует вера в общие и разделяемые всеми ценности.

⁵³ Норт, Уоллис и Вайнгаст 2011.

В институциональном плане главной особенностью демократического авторитета является делегирование власти не индивиду или статусу, а *позиции*, полностью оторванной от человека. Конечно, при легитимности традиционного (религиозного) и харизматического типа авторитет тоже в известном смысле делегируется позиции: заняв «трон», монарх больше не действует как частное лицо, так же обстоит дело

и с принявшим обет священником, да и герой-харизматик теряет личностное измерение, «растворяясь» в идеологии, за которую сражается. Однако в подобных моделях отсутствует элемент принципиального разделения — подчинения функции, а не человеку, облеченному властью. В демократическом же обществе это разделение играет решающую роль.

В рамках демократической системы с момента учреждения любой властной позиции подразумевается, что государство (то есть идеальный объект) нанимает исполнителя, который обладает авторитетом лишь в той мере и до тех пор, пока его действия отвечают содержанию позиции. Политический авторитет отделяется от социального, морального и религиозного и «распыляется» в обществе через создание большого числа ротируемых, выборных и подлежащих постоянному мониторингу⁵⁴ позиций, за замещение которых идет постоянная открытая, прозрачная и конкурентная борьба.

⁵⁴ Кин 2015: 101—140.

Но сохраняется ли в данной конструкции метаинститут внешней инстанции? Ведь народ, государство и демократические институты уже не одушевляются (как «сверхъестественные агенты» SPH). Более того, интерпретация интересов идеального агента опускается вниз, и если раньше правом истолкования воли Бога или Государства обладали лишь облеченные властью священники, монархи, национальные лидеры или, наконец, «вожди пролетариата», то в демократическом обществе право интерпретировать интересы коллектива передается каждому из (со)участников гражданского общества. Однако, как следует из приведенной выше аргументации, авторитет обладает действенной силой, лишь если в него верят. Разделение между позицией и человеком возможно только тогда, когда его проводят окружающие. По справедливому замечанию Хаугарда, речь идет о фактическом воспроизводстве самодисциплинирующей системы бентамовского Паноптикона⁵⁵: зная о том, какого поведения сообщество ждет от облеченного властью лица (честного, независимого, обезличенного), занимающий соответствующую позицию человек сам загоняет себя в этот «коридор». При отсутствии подобной субъективации не помогут никакие формальные ограничения — так утверждают и SPH (называя источником субъективации страх перед сверхъестественным, абсолютным наказанием), и теория «социальных порядков» (где таким источником оказывается уровень доверия в обществе). Иными словами, авторитет продолжает делегироваться через внешнюю инстанцию. Но что, если не «сверхъестественный агент» или идеальный образ государства/нации, в этом случае выступает объектом веры?

⁵⁵ Haugaard 2012: 47—50.

Вероятно, в демократическом сообществе имеет смысл говорить уже не о «смертных богах» (с характерным для них смешением политического, религиозного и морального), а о ценностях, которые разделяются всеми участниками политического процесса, то есть всем гражданским обществом. Отчасти эти ценности являются формализованными, будучи закреплены в конституциях, этических и правовых системах и рудиментах гражданской религии, чьи символические черты отчетливо

⁵⁶ В своей интерпретации позиции Джефферсона я исхожу из его прямого указания на желательность регулярных восстаний, предложения бороться с восстаниями через инкорпорацию недовольных в процесс принятия решений и знаменитого пассажи из его письма Уильяму Смитту от 13 ноября 1787 г. о древе свободы, которое надо периодически поливать кровью тиранов и патриотов, так как это его естественное состояние (см. <https://web.archive.org/web/19991115034104/http://odur.let.rug.nl/~usa/P/tj3/writings/brf/jef164.htm>).

⁵⁷ См. <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

⁵⁸ Как известно, «демократия — это наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

⁵⁹ Naugaard 2018: 107.

⁶⁰ Как заметил Ян-Вернер Мюллер, «когда слушаешь [его инаугурационную] речь, невозможно отделаться от мысли, что США только что освободились от власти оккупантов» (Мюллер 2018: 9).

⁶¹ Ах 2018.

⁶² Этой мыслью я обязан Екатерине Шульман.

проявляются в церемониальных актах (например, клятве вступающих в должность президентов на Библии/Конституции), военных и гражданских парадах, празднованиях памятных дат, светских культах (вроде культа отцов-основателей в США и Великой революции во Франции) и т.д. И все же я полагаю, что внешняя инстанция, служащая источником делегированного авторитета, не может быть полностью институционализована. На это указывают, в частности, многочисленные обоснования права на восстание (right of revolution). Так, говоря о наличии у людей данного права, Томас Джефферсон имел в виду не только восстание против тирании, но и восстание *внутри* демократического режима, если тот по какой-то причине вдруг перестал защищать и соблюдать права и свободы граждан⁵⁶. Это открытый призыв к самостоятельной трактовке демократических ценностей, которые *выше* писаного закона и обычаев. Такая трактовка может меняться как в ответ на внешние обстоятельства, так и по внутреннему побуждению, но это сложный процесс — пользуясь терминологией Гидденса, можно сказать, что она относится к области практического знания, принятого как должное и не подвергающегося ревизии в повседневной жизни. То есть это (рационально обоснованная) *вера*. Сфера веры и убеждений по понятным причинам сложна для изучения и с трудом поддается измерению, особенно когда речь идет не об относительно простых дихотомиях (вроде ценностей выживания/самовыражения и традиционных/секулярных ценностей в World Values Survey⁵⁷), а о сложносоставной системе представлений о внешней инстанции.

Таким образом, внешняя инстанция либеральной демократии — это вера в самоценность демократического общества, в нормативную обоснованность и справедливость демократических ценностей и их преимущество над иными ценностными системами⁵⁸. Не «права она или нет, но это моя страна», а наоборот — «эта страна права, поэтому она моя».

Для иллюстрации своего тезиса о смешении веберовских идеальных типов в эмпирической реальности Хаугард ссылаясь на Барака Обаму: харизматик и яркий оратор, он занял высший пост в стране через легальную процедуру, поддержанную двухвековой традицией и культом вокруг позиции президента США⁵⁹. Но еще более показателен в этом плане другой американский президент — Дональд Трамп. Авторитет его президентской позиции тоже опирается на двухвековую традицию, он присягал на Библии и регулярно упоминает в своих публичных выступлениях Бога. Как харизматик, однако, он подтверждает, что подлинный авторитет делегирован ему страной и ее народом, ради которых он «сражается» (помимо лозунга «Make America Great Again», здесь можно вспомнить типичное для Трампа противопоставление народа «вашингтонскому истеблишменту»⁶⁰). Более того, сразу после избрания он посвятил немало времени и сил (риторическому) оспариванию результатов выборов⁶¹, на которых сам же победил, тем самым как бы ставя свой харизматический авторитет выше рационально-легального⁶². При этом именно наличие у него рационально-легального

авторитета заставляет даже тех граждан, которые не считают его достойным президентского поста, исполнять подписанные им законы (пока, сообразно принципам полиархии, те одобряются иными властными инстанциями).

С точки зрения рационального выбора такое поведение объясняется тем, что издержки неподчинения президенту, за которого человек не голосовал, значительно выше издержек подчинения, поскольку в первом случае подвергается эрозии вся система, благодаря которой президент как был избран, так и будет смещен. Но сопоставление потенциальных издержек требует дискурсивного сознания, тогда как в практическом сознании президент-функция и президент-человек будут просто разделены в силу принятого как должное порядка вещей. Даже без дискурсивной рационализации граждане верят в систему и признают ее ценность и для общего, и для частного блага.

Нормативное измерение

Приведенная выше аргументация долгое время служила своего рода нормативным обоснованием (justification) либеральной демократии, давая ответ на вопрос, почему та является более гуманной и эффективной формой общественного устройства, нежели тоталитарные, авторитарные и патерналистские режимы. Тем не менее во второй половине XX в. постмодернистские теоретики (Фуко, Пьер Бурдьё, Жак Деррида и др.) стали активно критиковать саму возможность признания легитимности *любого* авторитета, включая демократический. Не случайно, что в ситуации с пандемией COVID-19 именно представитель этого течения (Агамбен) обрушился на демократические режимы, обвинив их в лицемерии, готовности при первой же возможности «сбросить маски» и реплицировать поведение авторитарных государств.

Той же линии придерживается и политический анархизм, отказывающийся в легитимности любому типу политического авторитета. Эту точку зрения разделяют как основоположники политического анархизма вроде Роберта Вулфа⁶³, так и его современные идеологи, такие как Марк Хьюмер⁶⁴. И если вдуматься в приводимые ими доводы, то с ними будет трудно не согласиться даже приверженцам классического либерализма.

На стороне критиков института политического авторитета *per se* есть и чисто логические, и эмпирические аргументы. Фуко был прав, утверждая, что власть не ограничивается формальными структурами и присутствует во всех сферах нашей жизни⁶⁵. Отношения подчинения и доминирования возникают в человеческих сообществах стихийно и бессознательно, субъективация действительно происходит, и оказавшиеся во властной позиции индивиды, даже вопреки своему желанию, начинают использовать ее в своих интересах. При всей спорности и неоднозначности методик знаменитых социальных экспериментов Соломона Аша, Филипа Зимбардо и Стэнли Милгрэма⁶⁶ и тех выводов, которые из них часто делаются, их основное заключение подтверждается:

⁶³ Wolff 1970.

⁶⁴ Huemer 2013.

⁶⁵ См. Digester 1992.

⁶⁶ Популярный, но подробный обзор этих экспериментов и их последующей критики см. Сапольски 2019: 411—418.

⁶⁷ Там же: 418.

⁶⁸ Hogeveen, Inzlicht, and Sukhvinder 2014. См. также Galinsky et al. 2008; Inesi, Gruenfeld, and Galinsky 2012.

⁶⁹ Ключарев, Зубарев и Шестакова: 2014: 20.

⁷⁰ Arendt 2004.

⁷¹ См. Fraser 1985.

⁷² Фуко 1996: 144—145.

⁷³ Фуко 2002: 290.

⁷⁴ Пинкер 2018: 369.

⁷⁵ Это относится и к эгалитарным сообществам охотников и собирателей. О лидерстве в этих сообществах см., напр. Garfield and Hagen 2019.

«под давлением необходимости подчиниться и встроиться в социум совершенно нормальные люди... делают ужасные вещи, причем процент уступивших намного выше, чем можно было бы предположить»⁶⁷. А новые данные, свидетельствующие о том, что у индивидов, занимающих властные позиции, деградируют структуры мозга, отвечающие за эмпатию и понимание других людей⁶⁸, а «отклонение от поведения (мнения) группы интерпретируется нервной системой как поведенческая ошибка»⁶⁹, похоже, способны сделать нас большими фукольдианцами, чем сам Фуко.

Власть развращает в буквальном смысле слова, и даже демократическая власть, опирающаяся на рационально-легальный политический авторитет, как показывает эмпирическая реальность, склонна к превышению своих полномочий, обману и оппортунистскому поведению. Человеческая конформность и изоморфизм институтов приводят к тому, что любой авторитет рано или поздно неосознанно коррумпируется и начинает действовать в своих интересах, даже если они противоречат интересам группы. Абсолютным доказательством пагубности подчинения авторитету государства может служить пример Третьего рейха, где «нормальные» люди «повиновались приказам и закону»⁷⁰.

На вопрос, что с этим делать, Фуко и анархисты отвечают по-разному. У Фуко от «власти» нет спасения⁷¹: несмотря на «возможность сопротивления»⁷², власть повсеместно порождает борьбу всех со всеми⁷³. Как-то смягчить эффект от деструктивной тотальности власти и авторитета в современном обществе, вероятно, мог бы метод критической генеалогии, учащий пересматривать «практическое» сознание через «дискурсивное» (по Гидденсу), — если, конечно, им овладеет значительная часть членов сообщества. Ответ анархистов более однозначен: коль скоро политический авторитет никогда не бывает легитимным, необходимо двигаться к либертарианскому анархо-капитализму, в принципе лишённому авторитетов и строящемуся на горизонтальных связях, а пока он не достигнут, подвергать любой авторитет сомнению.

Повторю: с рационально-логической точки зрения это, возможно, осмысленные и разумные позиции. Настоящая проблема заключается в другом. Ее точно сформулировал Стивен Пинкер, когда, рассуждая о соотношении врожденного и приобретенного в человеческом поведении, сравнил известный лозунг «question authority» с призывом подвергать сомнению земное притяжение («question gravity»): «каждая политическая философия должна решить, в какой момент ее аргументы превращаются в сомнение в существовании гравитации»⁷⁴.

Как уже отмечалось, есть серьезные основания полагать, что склонность к созданию вертикальных иерархий и отношениям лидерства/подчинения, вере, исполнению (в какой-то мере слепому) указаний и следованию социальной норме («закону») — наша биологическая эволюционная predisposition. Наличие авторитета — это даже не условие адекватного функционирования общества; нам в принципе не известны человеческие сообщества, устроенные иначе⁷⁵. Обсуждая

с автором этой статьи, можно ли вообще представить идеальное анархистское общество без вертикальных иерархий, профессор Университета Западного Сиднея Боб Ходж заметил: «вероятно, нет, потому что всегда будут родители и дети». На мой взгляд, это удачное определение очевидного биологического лимита, с которым мы сталкиваемся, даже когда пытаемся работать с идеальными типами.

Однако если трудно сомневаться в существовании гравитации, ее можно и нужно изучать и использовать. Подводя итог своему анализу «политического авторитета» у человекообразных обезьян, Фред Вильхойт заключает: «реалистическая исходная точка для размышлений о политических обязательствах (political obligation) заключается не в том, что может оправдать (justify) авторитет как таковой, а в том, какой вариант(ы) структурного авторитета может быть [нормативно — К.Ф.] обоснован при тех или иных политических и социальных обстоятельствах»⁷⁶.

⁷⁶ Willhoite 1976: 1124.

В этом плане предлагаемая концептуализация политического авторитета в демократическом обществе (полиархии) подтверждает и развивает традиционную нормативную аргументацию в пользу либеральной демократии. Если мы признаем, что в основе политического авторитета лежит внешняя инстанция, обладающая способностью делегировать свой авторитет в «реальный мир», и главная особенность демократического авторитета — делегирование его не индивиду, а позиции и только позиции, перед нами открываются две нормативные перспективы.

1. В отличие от авторитета Бога или «смертного бога», демократический авторитет может быть изменен и переосмыслен путем работы дискурсивного знания с практическим сознанием. Осознание того, что демократический авторитет не является ни непреложной метафизической величиной, ни объектом физического мира, а порождается верой в него самих людей как производное от их ценностей и представлений о мире, открывает простор для сознательного его регулирования, в том числе путем образования и пересмотра иерархических структур. Не имея на данный момент «общественного договора», мы вполне можем самостоятельно его создать — не в качестве подписанного гражданами «документа», но в качестве ценностной базы, которая необходима для существования и саморегуляции демократии в современном мире. Без ценностной опоры и веры в демократические институты произойдет откат назад, и люди вернуться к иным источникам авторитета, тем самым уничтожая демократический. На это указывают многие исследователи политического авторитета; из упомянутых выше это, в частности, Джонсон⁷⁷ и Марей⁷⁸. Подобный поворот событий опасен, поскольку разделяет общество на группы, объединенные по идеологическому признаку и враждебные друг другу, что чревато конфликтами и гражданским противостоянием.

⁷⁷ Johnson 2018: 343.

⁷⁸ Марей 2017: 145.

2. В противовес более архаичным формам политического авторитета, проводящим жесткую границу между «мы» и «они» и являющимся эксклюзивными, демократический авторитет может быть инклюзивным

и потому позволяет избежать сценария, описанного в предыдущем абзаце. Выше уже отмечалось, что одна из важных особенностей человеческой социальности заключается в способности человека одновременно идентифицировать себя по множеству оснований (цвету кожи, расовой принадлежности, национальности, полу, возрасту, гражданству, месту жительства, профессии, религии, политическим взглядам, художественным вкусам, симпатиям к спортивной команде и т.д.). Каждая из этих идентичностей формирует размежевание по линии «свои — чужие». Сам принцип подобного размежевания отдает «право первого голоса» бессознательному — так, мозг определяет расовую принадлежность контрагента за 50 миллисекунд, и лишь затем включается механизм распознавания лиц⁷⁹. При этом (хотя это и кажется контринтуитивным) категоризация по расе основной не является — возраст, пол, а и иногда и профессия⁸⁰ играют большую роль. Данной проблемой давно занимается экспериментальная психология; для нас здесь имеет значение, что перекатегоризация из «чужих первого порядка» в «чужие второго порядка» и, что еще важнее, из «чужих» в «свои» происходит очень быстро — в рамках контролируемых экспериментов бывает достаточно лишь небольшой корректировки внимания (зафиксировано, например, что, когда участников эксперимента просят, глядя на лицо человека другой расы, представить, что он любит есть, тревожность, характерная для «нейтрального» взгляда, пропадает⁸¹). О том, что сходные процессы происходят и в реальной жизни, свидетельствуют, в частности, «солдатские перемирия» на полях Первой мировой войны⁸², где «своими» вдруг начинали считаться солдаты по ту сторону линии фронта, а «чужими» — собственные офицеры.

В эволюционной биологии известен мысленный эксперимент под полушутливым названием «эффект зеленой бороды»⁸³, демонстрирующий, что если некий ген А (или связанный комплекс генов) экспрессируется тремя способами — (1) видимым признаком (зеленой бородой), (2) распознаванием этого признака у других и (3) установкой на альтруистическое поведение по отношению к его носителям, — то обладатели этого гена будут безошибочно распознавать друг друга по внешнему виду и кооперировать между собой, не опасаясь предательства и оппортунизма. Подобные генетические эффекты присущи живой природе⁸⁴. В социально-культурном мире людей «эффект зеленой бороды» может достигаться через символическую демонстрацию принадлежности к той или иной группе — религиозной, этнической, гражданской, политической и т.д. Весьма показателен в этом плане приводимый Робертом Сапольски пример из истории Гражданской войны в США. Выходцы из Ирландии были в армии как южан, так и северян, и «перед сражением они прикрепляли к головным уборам зеленые веточки, так что, случись им умереть или упасть ранеными на поле боя, условность ничего не значащего для них деления американских войск отошла бы на второй план, а соплеменники-ирландцы могли бы узнать их и помочь»⁸⁵.

⁷⁹ Ito and Urland 2003; Ito and Bartholow 2009.

⁸⁰ См. Mitchell, Nosek, and Banaji 2003.

⁸¹ Wheeler and Fiske 2005.

⁸² См. Ashworth 1980.

⁸³ Hamilton 1964.

⁸⁴ Keller and Ross 1998.

⁸⁵ Сапольски 2019: 366—367.

⁸⁶ Безусловно, в разных религиозных системах «порог вхождения» и толерантность к чужакам варьируют, но это не отменяет общего принципа размежевания.

Бог объединяет: представление о морализаторском боге и институциональная религия, как доказывает SPH, позволяют сплотить маленькие группы и образовать сравнительно крупное сообщество — протогосударство. Но, будучи мощным средством объединения людей («нет ни эллина, ни иудея»), религия вместе с тем резко отделяет «своих» от «чужих» («верные» и «неверные»). В этом плане религиозные институты авторитета эксклюзивны⁸⁶. «Смертный бог» — Левиафан — тоже объединяет. Собственно, именно в этом и состоял центральный аргумент Гоббса в пользу государства, ибо только оно в состоянии предотвратить «войну всех против всех». Авторитет государства выстраивает иерархию отношений, в которую потенциально могут быть включены разные этнические и религиозные группы: страна и/или нация становятся надстройками в системе самоидентификации. И если внутри государства мы остаемся разделены по группам, то, оказываясь вне его или действуя совместно, «своими» становятся все сограждане — в противовес «чужим», всем, входящим в систему иного государства. Но и этот авторитет при всем его инклюзивном потенциале, все равно остается эксклюзивным: государства и нации противопоставляются друг другу (используя для разделения в том числе и идентификацию по этническому и религиозному признаку). «Смертный бог» неподвижен; он не поступает своими территориями и границами, практически никогда по своей воле не инкорпорируется в более крупную наднациональную институциональную структуру и рассматривает ограничение собственной власти как покушение на суверенные права⁸⁷.

⁸⁷ См. Ильин 2007, 2016.

Отделить государства «естественного порядка» от государств «открытого доступа» (то есть состоявшихся либеральных демократий) порой бывает довольно трудно. Идеальные типы авторитета смешиваются; архаичные формы веры в Nation вполне могут сочетаться с верой в демократию как выразительницу ее воли и т.д. «Молодые» националистические демократии (например, Ирландия и Израиль) по естественным причинам более склонны ставить во главу угла собственный суверенитет. Вместе с тем, несмотря на все споры и проблемы, связанные с методологией оценивания, гипотеза «демократического мира» («либеральные демократии не воюют между собой») продолжает работать⁸⁸. О большем потенциале либеральных демократий к интеграции в наднациональное объединение свидетельствует и пример Европейского союза.

⁸⁸ См. Pugh 2005.

Возможно, это связано именно с той особенностью демократического авторитета, о которой шла речь в данной статье. Когда объектом веры является не незыблемая сверхъестественная метафизическая конструкция, а набор общих ценностей (права человека, индивидуальная свобода, социальная мобильность и др.) и за позиции авторитета (локуса власти) идет открытая конкуренция, пресекающая (или, по крайней мере, сглаживающая) злоупотребления и обеспечивающая возможности для корректировки, «открытый доступ» начинает означать инклюзивность.

Подвижный демократический авторитет позволяет создавать новые идентичности, инклюзивные вне зависимости от характера других (национальных, религиозных, политических) идентичностей индивида. В обществе, где приветствуется конкуренция и безличная власть делегируется на основе компетентности, могут сосуществовать различные дискурсы — но лишь до тех пор, пока они не требуют пересмотра «практического сознания». По моему глубокому убеждению, рационально-легальный авторитет обладает большей, в сравнении с иными, архаическими формами авторитета, устойчивостью к попыткам дискурсивного пересмотра — ее гарантирует сама его сложность и многокомпонентность. Однако эта гарантия не абсолютна, так как люди склонны к когнитивным иллюзиям⁸⁹ и нерациональному поведению. Эрозия веры в демократическую систему и рационально-легальный авторитет может стать «самосбывающимся пророчеством»: если люди потеряют веру в способность либеральной демократии справиться с трудностями и адаптироваться к новым условиям, она действительно может оказаться неэффективной.

⁸⁹ У части котормых, возможно, тоже есть эволюционный смысл (см. Johnson 2004).

Заключение

Институт политического авторитета — это явление *социобиологической* реальности. Как и многие поведенческие паттерны, социально-культурный его аспект «надстраивается» над фундаментом, подготовленным эволюцией. Согласно предложенной концептуализации, выстраивание политического авторитета у людей определяется их способностью верить и мыслить категориями, не относящимися к объектам физического мира: вера в Бога, нацию, государство, идеологическую утопию и т.п. порождает внешнюю инстанцию, делегирующую свой авторитет «земным» агентам.

Формирование у людей веры в авторитет связано с проблемами кооперации — разделением на «своих» и «чужих», выстраиванием иерархических отношений, сложностью символических систем, обеспечивающих маркеры для быстрой атрибуции индивидов с точки зрения их принадлежности к той или иной группе. В соответствии с таким пониманием института политического авторитета общество, полностью отвечающее анархистскому идеалу, невозможно. Иерархии нельзя ликвидировать — «всегда будут родители и дети». Однако использование описанного в данной статье подхода позволяет нащупать варианты того, как и при каких условиях политический авторитет может быть (стать) нормативно приемлемым.

Приводимая мною аргументация в целом реабилитирует традиционную защиту либеральной демократии: ключом к более «глубокому» ее пониманию служит признание принципиальных особенностей делегирования демократического авторитета, в частности создания внешней инстанции из системы общечеловеческих ценностей, а не незыблемых и принятых как должное констант. Демократический авторитет инклюзивен и позволяет расширять пространство кооперации, избегая

доминирования и делегируя власть позиции, а не индивиду. Это, разумеется, не исключает злоупотреблений и конформного повиновения, и потому демократическая система предполагает самообновление и постоянную проекцию «практического знания» в область «дискурсивного сознания», благодаря чему вопросы и сомнения в легитимности авторитета остаются возможными (question authority!), а противоречащие моральным нормам приказы и законы перестают исполняться. Размышляя о том, как можно спастись от дисциплинарной власти через образование, Фуко отмечал: «Учиться жить всю жизнь — значит превратить свое существование в непрерывное упражнение, и если важно рано начать, еще важнее — никогда не расслабляться»⁹⁰. В целом это верное описание того, что предлагает нам система демократического авторитета. Понимание, что источником авторитета является вера в него людей (циркулирующая в обществе, как «ресурс власти» у Толкотта Парсонса⁹¹), делает его уязвимым — но при этом открывает пространство возможностей.

⁹⁰ Фуко 1998: 57—58.

⁹¹ Parsons 1963.

Быстрая мобилизация через «чрезвычайное положение» (как в случае с борьбой с пандемией COVID-19) по внешним признакам может выглядеть реконструкцией авторитарных практик, однако ее отличия от них глубже, чем кажется на первый взгляд. Когда мобилизацию проводят демократически избранные и подотчетные правительства, до этого функционировавшие в условиях свободной конкуренции, где авторитет делегируется позиции, а не человеку, постоянная параллельная оценка гражданским обществом реального масштаба угрозы выступает своеобразной «страховкой» от сохранения режима чрезвычайного положения по окончании кризиса. Высокий уровень доверия граждан друг другу, солидарность, вера в демократические ценности и подотчетность позволят восстановить режим «открытого доступа». Но если настроения разочарования, паники и страха возобладают, либеральная демократия действительно может пострадать.

«Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям», — гласит известная «теорема», сформулированная Уильямом и Дороти Томасами⁹². Продолжая их мысль, можно сказать, что Бог остается реальным (по своим последствиям) до тех пор, пока в него верят, и в той мере, в какой в него верят. То же относится и к либеральной демократии.

⁹² Thomas W.I. and D.S. Thomas 1928: 571—572.

Библиография

- Алмонд Г. и С.Верба. (1992) «Гражданская культура и стабильность демократии» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 122—134.
- Арендт Х. (2004) *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа.
- Арендт Х. (2014) «Что такое авторитет» // Арендт Х. *Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара: 138—216.
- Валь Ф. де. (2018) *Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Гиббон Э. (2008) *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи*. Т. 1. М.: Терра.

Гоббс Т. (2001) *Левиафан*. М.: Мысль.

Даль Р. (2010) *Полиархия: участие и оппозиция*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ильин М.В. (2007) «Суверенитет: развитие понятийной категории» // Ильин М.В. и И.В.Кудряшова, ред. *Суверенитет: Трансформация понятий и практик*. М.: МГИМО: 14—42.

Ильин М.В. (2016) «Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах» // *Политическая наука*, № 4: 22—42.

Кин Дж. (2015) *Демократия и декаданс медиа*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ключарев В.А., И.П.Зубарев и А.Н.Шестакова. (2014) «Нейробиологические механизмы социального влияния» // *Экспериментальная психология*, т. 7, № 4: 20—36. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/o5mmts7vfl/direct/145573418> (проверено 12.05.2020).

Марей А.В. (2017) *Авторитет, или Подчинение без насилия*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Мюллер Я.-В. (2018) *Что такое популизм?* М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Норт Д., Дж.Уоллис и Б.Вайнгаст. (2011) *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Пинкер С. (2018) *Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня*. М.: АНФ.

Сапольски Р. (2019) *Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки*. М.: АНФ.

Сурков В. (2019) «Долгое государство Путина» // *Независимая газета*, 11.02. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (проверено 21.11.2019).

Фокин К.В. (2019а) «Гипотеза сверхъестественного наказания (Критический обзор)» // *Полития*, № 1: 60—80. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1\(92\)-60-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1(92)-60-80.pdf) (проверено 20.04.2020).

Фокин К.В. (2019b) «Авторитет в оптиках биологии и политики» // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, № 9: 138—150.

Фокин К.В. (2019с) «Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции» // *Полития*, № 3: 33—54. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3\(94\)-33-54.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3(94)-33-54.pdf) (проверено 20.04.2020).

Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Т. 1. М.: Магистериум.

Фуко М. (1998) *История сексуальности. Т. 3: Забота о себе*. М.: Дух и Литера.

Фуко М. (2002) «Власть и знание» // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*.

Ч. 1. М.: Праксис: 278—302. URL: https://monoskop.org/images/8/83/Fuko_Misel_Intellektually_i_vlast_1.pdf (проверено 20.04.2020).

Хантингтон С. (2003а) *Третья волна: Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН.

Хантингтон С. (2003б) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2004) *Политический порядок в меняющемся обществе*. М.: Прогресс-Традиция.

Agamben G. (2020) «The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency» // *Positions Politics*, 26.02. URL: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/> (accessed on 20.03.2020).

Atran S., R.Axelrod, and R.Davis. (2007) «Sacred Barriers to Conflict Resolution» // *Science*, vol. 317, no. 5841: 1039—1040.

Ashworth T. (1980) *Trench Warfare 1914—1918: The Live and Let Live System*. New York: Holmes and Meier.

Ax J. (2018) «Trump’s Baseless Voter Fraud Allegations Could Hurt U.S. Faith in Elections» // *Reuters*, 15.11. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-trump-claims/trumps-baseless-voter-fraud-allegations-could-hurt-us-faith-in-elections-idUSKCN1NJ30L> (accessed on 12.05.2020).

Baudrillard J. (1991) *La Guerre du Golfe n’a pas eu lieu*. Paris: Galilée.

Bellah R. and P.Hammond, eds. (1980) *Varieties of Civil Religion*. San Francisco: Harper and Row.

Blackmore S. (1999) *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press.

Boyer P. (2008) «Religion: Bound to Believe?» // *Nature*, vol. 455, no. 7216: 1038—1039.

Brown D. (1991) *Human Universals*. Philadelphia: Temple University Press.

Brown D. (2000) «Human Universals and Their Implications» // Roughley N., ed. *Being Humans: Anthropological Universality and Particularity in Transdisciplinary Perspectives*. New York: Walter de Gruyter: 156—174.

Corcoran K. (2020) «Wuhan, China, Is Cut off from the Outside World in an Unprecedented Quarantine after a Deadly Virus Killed 17 and Infected 571» // *Business Insider*, 23.01. URL: <https://www.businessinsider.com/photos-wuhan-lockdown-amid-coronavirus-outbreak-road-rail-air-shut-2020-1> (accessed on 20.03.2020).

Dawkins R. (1976) *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.

Desilver D. (2019) «Despite Global Concerns about Democracy, More Than Half of Countries Are Democratic» // *Pew Research Center*, 14.05. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/05/14/more-than-half-of-countries-are-democratic/> (accessed on 8.05.2020).

Digester P. (1992) «The Fourth Face of Power» // *The Journal of Politics*, vol. 54, no. 4: 977—1007.

Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford: Oxford University Press.

Dunbar R. (1992) «Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates» // *Journal of Human Evolution*, vol. 22, no. 6: 469—493.

Erlanger S. (2020) «Macron Declares France „at War“ with Virus, as E.U. Proposes 30-Day Travel Ban» // *The New York Times*, 16.03. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/16/world/europe/coronavirus-france-macron-travel-ban.html> (accessed on 20.03.2020).

Franks B. (2014) «Social Construction, Evolution and Cultural Universals» // *Culture & Psychology*, vol. 20, no. 3: 416—439.

Fraser N. (1985) «Michel Foucault: A Young Conservative?» // *Ethics*, vol. 96, no. 1: 165—184.

Garfield Z.H. and E.H.Hagen. (2019) «Investigating Evolutionary Models of Leadership among Recently Settled Ethiopian Hunter-gatherers» // *The Leadership Quarterly*, May. URL: https://www.researchgate.net/publication/321288913_Investigating_evolutionary_models_of_leadership_among_recently_settled_Ethiopian_hunter-gatherers (accessed on 21.11.2019).

Garfield Z.H., C. von Rueden, and E.H.Hagen. (2019) «The Evolutionary Anthropology of Political Leadership» // *The Leadership Quarterly*, vol. 30, no. 1: 59—80.

Geddes B., J.Wright, and E.Frantz. (2014) «Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set» // *Perspectives on Politics*, vol. 12, no. 2: 313—331.

Geddes B., J.Wright, and E.Frantz. (2018) *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. New York: Cambridge University Press.

Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity.

Gould S.J. and R.C.Lewontin. (1979) «The Spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: a Critique of the Adaptationist Programme» // *Proceedings of the Royal Society of London. Series B (Biological Sciences)*, vol. 205, no. 1161: 581—598.

Hamilton W.D. (1964) «The Genetical Evolution of Social Behaviour. II» // *Journal of Theoretical Biology*, vol. 7, no. 1: 17—52.

Haugaard M. (2012) «Rethinking the Four Dimensions of Power: Domination and Empowerment» // *Journal of Political Power*, vol. 5, no. 1: 33—54.

Haugaard M. (2018) «What Is Authority?» // *Journal of Classical Sociology*, vol. 18, no. 2: 104—132.

Hogeveen J., M.Inzlicht, and S.S.Sukhvinder. (2013) «Power Changes: How the Brain Responds to Others» // *Journal of Experimental Psychology*, vol. 143, no. 2: 755—762. URL: <https://www.oveo.org/fichiers/power-changes-how-the-brain-responds-to-others.pdf> (accessed on 12.05.2020).

Huemer M. (2013) *The Problem of Political Authority*. London: Palgrave Macmillan.

Inesi M., H.Gruenfeld, and A.D.Galinsky. (2012) «How Power Corrupts Relationships: Cynical Attributions for Others' Generous Acts» // *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 48, no. 6: 795—803.

Inesi M., J.Magee, H.Gruenfeld, and A.D.Galinsky. (2008) «Power and the Objectification of Social Targets» // *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 95, no. 1: 111—127.

- Ito T.A. and B.D.Bartholow. (2009) «The Neural Correlates of Race» // *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 13, no. 12: 524—531.
- Ito T.A. and G.R.Urland. (2003) «Race and Gender on the Brain: Electro cortical Measures of Attention to the Race and Gender of Multiply Categorizable Individuals» // *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 85, no. 4: 616—626.
- Johnson D.D.P. (2004) *Overconfidence and War: The Havoc and Glory of Positive Illusions*. Cambridge: Harvard University Press.
- Johnson D.D.P. (2015) *God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human*. New York: Oxford University Press.
- Johnson D.D.P. (2018) «The Wrath of the Academics: Criticisms, Applications, and Extensions of the Supernatural Punishment Hypothesis» // *Religion, Brain & Behavior*, vol. 8, no. 3: 320—350.
- Keleman D. (2004) «Are Children „Intuitive Theists“? Reasoning about Purpose and Design in Nature» // *Psychological Science*, vol. 15, no. 5: 295—301.
- Keller L. and K.G.Ross. (1998) «Selfish Genes: a Green Beard in the Red Fire Ant» // *Nature*, vol. 394, no. 6693: 573—575.
- Kobie N. (2019) «The Complicated Truth about China’s Social Credit System» // *Wired*, 7.06. URL: <https://www.wired.co.uk/article/china-social-credit-system-explained> (accessed on 08.05.2020).
- Kühl H.S. et al. (2016) «Chimpanzee Accumulative Stone Throwing» // *Scientific Reports*, vol. 6, article no. 22219. URL: <https://www.nature.com/articles/srep22219> (accessed on 21.11.2019).
- Kula M. (2005) «Communism as Religion» // *Totalitarian Movements and Political Religions*, vol. 6, no. 3: 371—381.
- Lofgren M. (2014) «Anatomy of the Deep State» // *Moyers & Company*, 21.02. URL: <https://billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/> (accessed on 21.11.2019).
- Luce E. (2019) «Why We Should Celebrate America’s Deep State» // *Financial Times*, 25.10. URL: <https://www.ft.com/content/7b0b7fea-f6b4-11e9-9ef3-eca8fc8f2d65> (accessed on 21.11.2019).
- Mitchell J.P., B.A.Nosek, and M.R.Banaji. (2003) «Contextual Variations in Implicit Evaluation» // *Journal of Experimental Psychology: General*, vol. 132, no. 3: 455—469.
- Parsons T. (1963) «On the Concept of Influence» // *The Public Opinion Quarterly*, vol. 27, no. 1: 37—62.
- Posaner J. (2020) «Angela Merkel: Coronavirus Is Germany’s Biggest Postwar Challenge» // *Politico*, 18.03. URL: <https://www.politico.eu/article/angela-merkel-coronavirus-is-germany-biggest-postwar-challenge/> (accessed on 20.03.2020).
- Pugh J. (2005) *Democratic Peace Theory: A Review and Evaluation*. URL: https://www.researchgate.net/publication/242284578_Democratic_Peace_Theory_A_Review_and_Evaluation (accessed on 21.11.2019).
- Schmitter P.C. (2017) «The Future of Democracy Is Not What It Used to Be» // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, Bd. 11, Nr. 4: 459—467.

Shariff A.F. and A.Norenzayan. (2007) «God Is Watching You: Supernatural Agent Concepts Increase Prosocial Behavior in an Anonymous Economic Game» // *Psychological Science*, vol. 18, no. 9: 803–809.

Thomas W.I. and D.S.Thomas. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Knopf.

Tilly Ch. (2007) *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Weber M. (1958) «The Three Types of Legitimate Rule» // *Berkeley Publications in Society and Institutions*, vol. 4, no. 1: 1–11.

Wheeler M.E. and S.T.Fiske. (2005) «Controlling Racial Prejudice: Social-Cognitive Goals Affect Amygdala and Stereotype Activation» // *Psychological Science*, vol. 16, no. 1: 56–63.

Willhoite F.H., Jr. (1976) «Primates and Political Authority: A Bio-behavioral Perspective» // *The American Political Science Review*, vol. 70, no. 4: 1110–1126.

Wilson E.O. (1971) *The Insect Societies*. Cambridge (MA): Belknap Press.

Wolff R.P. (1970) *In Defense of Anarchism*. New York: Harper & Row.

πολιτικά

C.V.Fokin

“DEEP” DEMOCRACY AND POLITICAL AUTHORITY

Cyril V. Fokin — Ph.D. Student at the School of Political Science, National Research University *Higher School of Economics*; Participant of the RSF Project “Knowledge Transfer and Convergence of Methodological Practices: Cases of Interdisciplinary Integration of Political, Biological and Linguistic Research”, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Email: kainer-1@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the problem of political authority and its features in the modern democratic communities. The author interprets authority as a socio-political institution that is rooted in the biological nature of a human and has been evolving throughout the history. According to his concept, trust in political authority is determined by faith in the external force that delegates this authority — God, imagined community in the form of a Nation or a State, or a value system — this is what Democracy is. Subordination to democratic authority (unlike other types) is based on a “new” normative (moral) foundation: it is “this country is right, therefore it is mine” rather than “regardless of whether it is right or wrong, this is my country”.

The author's argument in general justifies the traditional defense of liberal democracy. Although he admits that the postmodern and anarchist critics of democratic authority have their own logic and reasons, he points out that some of their statements are inconsistent with the latest empirical data, including data from the field of biopolitics. From his point of view, since the main institutional foundation of democracy is the value system and citizens' belief in this system, democracy in principle is not jeopardized by the "emergency situation" that predisposes reconstruction of the authoritarian practices. This is also because a high level of interpersonal trust, solidarity, faith in democratic values and accountability will restore the "open society" regime. Liberal democracy is threatened by the sentiments of frustration, panic and fear, and if they prevail, democracy can really be hurt.

Keywords: political authority, evolution, cooperation, supernatural punishment, democracy, biopolitics

References

- Agamben G. (2020) "The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency" // *Positions Politics*, 26.02. URL: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/> (accessed on 20.03.2020).
- Almond G.A. and S.Verba. (1992) "Grazhdanskaja kul'tura i stabil'nost' demokratii" [The Civic Culture and Democratic Stability] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 122—134. (In Russ.)
- Atran S., R.Axelrod, and R.Davis. (2007) "Sacred Barriers to Conflict Resolution" // *Science*, vol. 317, no. 5841: 1039—1040.
- Arendt H. (2004) *Banal'nost' zla: Eikhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report in the Banality of Evil]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Arendt H. (2014) "Chto takoe avtoritet?" [What Is Authority?] // Arendt H. *Mezhdú proshlym i budushchim: Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between Past and Future: Eight Essays in Political Thought]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara: 138—216. (In Russ.)
- Ashworth T. (1980) *Trench Warfare 1914—1918: The Live and Let Live System*. New York: Holmes and Meier.
- Ax J. (2018) "Trump's Baseless Voter Fraud Allegations Could Hurt U.S. Faith in Elections" // *Reuters*, 15.11. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-trump-claims/trumps-baseless-voter-fraud-allegations-could-hurt-us-faith-in-elections-idUSKCN1NJ30L> (accessed on 12.05.2020).
- Baudrillard J. (1991) *La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu*. Paris: Galilée.
- Bellah R. and P.Hammond, eds. (1980) *Varieties of Civil Religion*. San Francisco: Harper and Row.
- Blackmore S. (1999) *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press.
- Boyer P. (2008) "Religion: Bound to Believe?" // *Nature*, vol. 455, no. 7216: 1038—1039.

Brown D. (1991) *Human Universals*. Philadelphia: Temple University Press.

Brown D. (2000) “Human Universals and Their Implications” // Roughley N., ed. *Being Humans: Anthropological Universality and Particularity in Transdisciplinary Perspectives*. New York: Walter de Gruyter: 156—174.

Corcoran K. (2020) “Wuhan, China, Is Cut off from the Outside World in an Unprecedented Quarantine after a Deadly Virus Killed 17 and Infected 571” // *Business Insider*, 23.01. URL: <https://www.businessinsider.com/photos-wuhan-lockdown-amid-coronavirus-outbreak-road-rail-air-shut-2020-1> (accessed on 20.03.2020).

Dahl R. (2010) *Poliarkhija: uchastie i oppozitsija* [Polyarchy: Participation and Opposition]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Dawkins R. (1976) *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.

Desilver D. (2019) “Despite Global Concerns about Democracy, More Than Half of Countries Are Democratic” // *Pew Research Center*, 14.05. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/05/14/more-than-half-of-countries-are-democratic/> (accessed on 8.05.2020).

Digester P. (1992) “The Fourth Face of Power” // *The Journal of Politics*, vol. 54, no. 4: 977—1007.

Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford: Oxford University Press.

Dunbar R. (1992) “Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates” // *Journal of Human Evolution*, vol. 22, no. 6: 469—493.

Erlanger S. (2020) “Macron Declares France „at War“ with Virus, as E.U. Proposes 30-Day Travel Ban” // *The New York Times*, 16.03. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/16/world/europe/coronavirus-france-macron-travel-ban.html> (accessed on 20.03.2020).

Fokin C.V. (2019a) “Gipoteza sverkhstestvennogo nakazaniya (Kriticheskiy obzor)” [Supernatural Punishment Hypothesis (Critical Review)] // *Politeia*, no. 1: 60—80. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1\(92\)-60-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1(92)-60-80.pdf) (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Fokin C.V. (2019b) “Avtorit v optikakh biologii i politiki” [Authority in the Eyes of Biology and Political Science] // *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METOD: Moscow Yearbook of Social Studies], no. 9: 138—150. (In Russ.)

Fokin C.V. (2019c) “Evolutsija institutov politicheskogo avtoriteta: rarnochnaja osnova kontseptsii” [Evolution of Institutions of Political Authority: Theoretical Framework] // *Politeia*, no. 3: 33—54. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3\(94\)-33-54.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-3(94)-33-54.pdf) (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Foucault M. (1996) *Volja k istine: po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti* [The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality]. Vol. 1. Moscow: Magisterium. (In Russ.)

Foucault M. (1998) *Istorija seksual'nosti. T. 3: Zabota o sebe* [L'Histoire de la sexualité. T. 3: Le Souci de soi]. Moscow: Dukh i Litera. (In Russ.)

Foucault M. (2002) “Vlast’ i znanie” [Power/Knowledge] // Foucault M. *Intellektualy i vlast’: Izbrannye politicheskie stat’i, vystuplenija i interv’ju* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Part 1. Moscow: Praxis: 278–302. URL: https://monoskop.org/images/8/83/Fuko_Misel_Intellektualy_i_vlast_1.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Franks B. (2014) “Social Construction, Evolution and Cultural Universals” // *Culture & Psychology*, vol. 20, no. 3: 416–439.

Fraser N. (1985) “Michel Foucault: A Young Conservative?” // *Ethics*, vol. 96, no. 1: 165–184.

Garfield Z.H. and E.H.Hagen. (2019) “Investigating Evolutionary Models of Leadership among Recently Settled Ethiopian Hunter-gatherers” // *The Leadership Quarterly*, May. URL: https://www.researchgate.net/publication/321288913_Investigating_evolutionary_models_of_leadership_among_recently_settled_Ethiopian_hunter-gatherers (accessed on 21.11.2019).

Garfield Z.H., C. von Rueden, and E.H.Hagen. (2019) “The Evolutionary Anthropology of Political Leadership” // *The Leadership Quarterly*, vol. 30, no. 1: 59–80.

Geddes B., J.Wright, and E.Frantz. (2014) “Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set” // *Perspectives on Politics*, vol. 12, no. 2: 313–331.

Geddes B., J.Wright, and E.Frantz. (2018) *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. New York: Cambridge University Press.

Gibbon E. (2008) *Istorija upadka i razrushenija Velikoj Rimskoj imperii: Zakat i padenie Rimskoj imperii* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Vol. 1. Moscow: Terra. (In Russ.)

Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity.

Gould S.J. and R.C.Lewontin. (1979) “The Spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: a Critique of the Adaptationist Programme” // *Proceedings of the Royal Society of London. Series B (Biological Sciences)*, vol. 205, no. 1161: 581–598.

Hamilton W.D. (1964) “The Genetical Evolution of Social Behaviour. II” // *Journal of Theoretical Biology*, vol. 7, no. 1: 17–52.

Haugaard M. (2012) “Rethinking the Four Dimensions of Power: Domination and Empowerment” // *Journal of Political Power*, vol. 5, no. 1: 33–54.

Haugaard M. (2018) “What Is Authority?” // *Journal of Classical Sociology*, vol. 18, no. 2: 104–132.

Hobbes T. (2001) *Leviathan* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow: Mysl’. (In Russ.)

Hogeveen J., M.Inzlicht, and S.S.Sukhvinder. (2013) “Power Changes: How the Brain Responds to Others” // *Journal of Experimental Psychology*, vol. 143, no. 2: 755–762. URL: <https://www.oveo.org/fichiers/power-changes-how-the-brain-responds-to-others.pdf> (accessed on 12.05.2020).

Huemer M. (2013) *The Problem of Political Authority*. London: Palgrave Macmillan.

Huntington S.P. (2003a) *Tret'ja volna: Demokratizatsija v kontse XX ve-ka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Huntington S.P. (2003b) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow: AST. (In Russ.)

Huntington S.P. (2004) *Politicheskij porjadok v menjajushchemsja obshchestve* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Traditsija. (In Russ.)

Ilyin M.V. (2007) “Suverenitet: razvitie ponjatijnoj kategorii” [Sovereignty: the Development of Conceptual Category] // Ilyin M.V. and I.V.Kudryashova, eds. *Suverenitet: Transformatsija ponjatij i praktik* [Sovereignty: Transformation of Notions and Practices]. Moscow: MGIMO: 14–42. (In Russ.)

Ilyin M.V. (2016) “Semejnoe delo Leviatanov. Gosudarstva v mezhdunarodnykh sistemakh” [Family Affinities of Leviathans. States in International Systems] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 22–42. (In Russ.)

Inesi M., H.Gruenfeld, and A.D.Galinsky. (2012) “How Power Corrupts Relationships: Cynical Attributions for Others’ Generous Acts” // *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 48, no. 6: 795–803.

Inesi M., J.Magee, H.Gruenfeld, and A.D.Galinsky. (2008) “Power and the Objectification of Social Targets” // *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 95, no. 1: 111–127.

Ito T.A. and B.D.Bartholow. (2009) “The Neural Correlates of Race” // *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 13, no. 12: 524–531.

Ito T.A. and G.R.Urland. (2003) “Race and Gender on the Brain: Electrocortical Measures of Attention to the Race and Gender of Multiply Categorizable Individuals” // *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 85, no. 4: 616–626.

Johnson D.D.P. (2004) *Overconfidence and War: The Havoc and Glory of Positive Illusions*. Cambridge: Harvard University Press.

Johnson D.D.P. (2015) *God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human*. New York: Oxford University Press.

Johnson D.D.P. (2018) “The Wrath of the Academics: Criticisms, Applications, and Extensions of the Supernatural Punishment Hypothesis” // *Religion, Brain & Behavior*, vol. 8, no. 3: 320–350.

Keane J. (2015) *Demokratija i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Keleman D. (2004) “Are Children „Intuitive Theists“? Reasoning about Purpose and Design in Nature” // *Psychological Science*, vol. 15, no. 5: 295–301.

Keller L. and K.G.Ross. (1998) “Selfish Genes: a Green Beard in the Red Fire Ant” // *Nature*, vol. 394, no. 6693: 573–575.

Klyucharev V.A., I.P.Zubarev, and A.N.Shestakova. (2014) “Nejrobiologicheskie mekhanizmy sotsial'nogo vlijanija” [Neurobiological Mechanisms of Social Influence] // *Eksperimental'naja psikhologija* [Experimental Psychology (Russia)], vol. 7, no. 4: 20–36. URL: <https://publications>.

hse.ru/mirror/pubs/share/folder/o5mmts7vfl/direct/145573418 (accessed on 12.05.2020). (In Russ.)

Kobie N. (2019) “The Complicated Truth about China’s Social Credit System” // *Wired*, 7.06. URL: <https://www.wired.co.uk/article/china-social-credit-system-explained> (accessed on 08.05.2020).

Kühl H.S. et al. (2016) “Chimpanzee Accumulative Stone Throwing” // *Scientific Reports*, vol. 6, article no. 22219. URL: <https://www.nature.com/articles/srep22219> (accessed on 21.11.2019).

Kula M. (2005) “Communism as Religion” // *Totalitarian Movements and Political Religions*, vol. 6, no. 3: 371—381.

Lofgren M. (2014) “Anatomy of the Deep State” // *Moyers & Company*, 21.02. URL: <https://billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/> (accessed on 21.11.2019).

Luce E. (2019) “Why We Should Celebrate America’s Deep State” // *Financial Times*, 25.10. URL: <https://www.ft.com/content/7b0b7fea-f6b4-11e9-9ef3-eca8fc8f2d65> (accessed on 21.11.2019).

Marey A.V. (2017) *Avtoritet, ili Podchinenie bez nasilija* [Authority or Submitting without Violence]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Mitchell J.P., B.A.Nosek, and M.R.Banaji. (2003) “Contextual Variations in Implicit Evaluation” // *Journal of Experimental Psychology: General*, vol. 132, no. 3: 455—469.

Müller J.-W. (2018) *Chto takoe populizm?* [What Is Populism?] Moscow: Izdatel’skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

North D.C., J.J.Wallis, and B.R.Weingast. (2011) *Nasilie i sotsial’nye porjadki: Kontseptual’nye ramki dlja interpretatsii pis’mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Parsons T. (1963) “On the Concept of Influence” // *The Public Opinion Quarterly*, vol. 27, no. 1: 37—62.

Pinker S. (2018) *Chistyj list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsja priznavat’ ee segodnja* [The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature]. Moscow: Al’pina non-fikshn. (In Russ.)

Posaner J. (2020) “Angela Merkel: Coronavirus Is Germany’s Biggest Postwar Challenge” // *Politico*, 18.03. URL: <https://www.politico.eu/article/angela-merkel-coronavirus-is-germany-biggest-postwar-challenge/> (accessed on 20.03.2020).

Pugh J. (2005) *Democratic Peace Theory: A Review and Evaluation*. URL: https://www.researchgate.net/publication/242284578_Democratic_Peace_Theory_A_Review_and_Evaluation (accessed on 21.11.2019).

Sapolsky R. (2019) *Biologija dobra i zla: Kak nauka ob’jasnjaet nashi postupki* [Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst]. Moscow: Al’pina non-fikshn. (In Russ.)

Schmitter P.C. (2017) “The Future of Democracy Is Not What It Used to Be” // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, Bd. 11, Nr. 4: 459—467.

Shariff A.F. and A.Norenzayan. (2007) “God Is Watching You: Supernatural Agent Concepts Increase Prosocial Behavior in an Anonymous Economic Game” // *Psychological Science*, vol. 18, no. 9: 803–809.

Surkov V. (2019) “Dolgoe gosugarstvo Putina” [Putin’s Long State] // *Nezavisimaya gazeta*, 11.02. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed on 21.11.2019). (In Russ.)

Thomas W.I. and D.S.Thomas. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Knopf.

Tilly Ch. (2007) *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Waal F. de. (2018) *Politika u shimpanze: vlast’ i seks u primatov* [Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Weber M. (1958) “The Three Types of Legitimate Rule” // *Berkeley Publications in Society and Institutions*, vol. 4, no. 1: 1–11.

Wheeler M.E. and S.T.Fiske. (2005) “Controlling Racial Prejudice: Social-Cognitive Goals Affect Amygdala and Stereotype Activation” // *Psychological Science*, vol. 16, no. 1: 56–63.

Willhoite F.H., Jr. (1976) “Primates and Political Authority: A Bio-behavioral Perspective” // *The American Political Science Review*, vol. 70, no. 4: 1110–1126.

Wilson E.O. (1971) *The Insect Societies*. Cambridge (MA): Belknap Press.

Wolff R.P. (1970) *In Defense of Anarchism*. New York: Harper & Row.